
Сергей Зыков
Ветры русских просторов II

Сергей Зыков

Ветры русских просторов II

«Автор»
2026

Зыков С. А.

Ветры русских просторов II / С. А. Зыков — «Автор», 2026

Продолжение истории казачьего рода Сотниковых. События XVII века с участием героев первой книги.

© Зыков С. А., 2026
© Автор, 2026

Сергей Зыков
Ветры русских просторов II

Часть II

Сотниковы

«Хлебушко – пирогу дедушко!»

Глава I

«За всё благо пьёт отвага»

В солнечный зимний день в середине студня (декабря) 1604 (7113 от сотворения мира) года сотник Нижнекурмоярского юрта Войска Донского Кирьян, с прозвищем Ведьмедь за огромную физическую силу и жёсткий характер, зашёл к атаману Гавриле Стародубу по его просьбе. Гаврила сильно сдал со времени их знакомства тринадцать лет назад и сейчас, полулёжа на широкой деревянной лавке, накрытой коврами и овечьими шкурами, попыхивал люлькой, иногда кашляя и матерясь вполголоса. Гаврилу уже несколько лет выбирали атаманом на круге, но сил становилось всё меньше. Он давно не ходил в дальние походы и даже перестал пить хмельное, потому что его не принимал его желудок, часто сильно болевший. Но все знали, что лучше, чем атаман Стародуб никто не разберёт казачьи споры, никто правильней не поделит добычу и никто так не заботится о городке, земле для выпасов, огородов, садов, виноградников.

Все хозяйственные вопросы решал только атаман, а военную часть своей службы он давно отдал в руки самого боевого казака, а теперь вот и сотника – Кирьяна Ведьмедя. Чин сотника Кирьян Иваныч получил за походы к Азову, Ени-Кале (Керчь) и Дербенту, а также за дела на Волге и в Ногайской орде, откуда его сотня привела два года назад табун из тысячи лошадей. Были и другие походы: в 1598 году – в Москву, к царю Борису, который долго разговаривал с казаками, и пообещал дать хорошее жалование за охрану южных рубежей, а часть этого жалования станица привезла сразу. Но тон Годунова сразу не понравился станичникам, так как в нём сквозило стремление подчинить своей власти казачество, либо раздавить его любым возможным способом. Ходили казаки Кирьяна и на Перекоп за скотом и табунами крымского хана и его мурз. Были на Тереке, Куме и Маныче для оказания поддержки терским и гребенским казакам против немирных горцев; ходили на реку Къобхан (Кубань), где Кирьяна поразили богатейшие степи и лесистые предгорья, за которыми высились белые пики гор Кау каза (Кавказа).

Войсковая старшина в Раздорском городке, получив значительную долю добычи от походов Кирьяна Ведмедя, отправила атамана Бренка Задорожного в Нижне-Курманъярский городок с атаманской грамотой, утвердившей звание сотника от имени Войсковой старшины перед казаками, давно уже выбравшими Кирьяна своим командиром. А теперь Гавриле Стародубу нужно было сказать Кирьяну, что гонец с Раздоров зовёт его на круг, где обсудят, поддержать ли Лжедмитрия на Москве, где началась «великая замятня» из-за четырёхлетнего голода, последней каплей которого стало прошедшее лето, когда реки освободились ото льда в июне, а в августе уже лёг снег.

На Дону казаки тоже почувствовали природные катаклизмы начала XVII века, потому что у многих станичников вымерзли виноградники, огороды и сады. Конечно, они не знали о

мощнейшем извержении вулкана в Перу, которое привело к таким последствиям на всей территории планеты. Хлебного жалования на Дону не видели с 1600 года. Пчёлы почти вымерли, как и животные от бескормицы в лесах и степях, а на больших и малых шляхах разбойники ловили путников и съедали их. Казаки справлялись с голодом за счёт рыбалки, охоты и припасов, оставшихся после походов: орехов, сухофруктов, специй, разной муки, привезённой из южных стран. Но все припасы когда-то заканчиваются, и многие станичники пошли служить новым хозяевам, объявившимся в Московии, а в городках производили натуральный обмен с редкими теперь купцами, торгующими хлебом, отдавая за бесценок коней, меха, осетрину, икру, оружие и другие вещи, которыми были богаты казаки.

—

В Московии творилось то же самое, если не хуже. Там на слуху у всех были случаи, когда родители съедали своих детей. Несмотря на то, что Борис Годунов в 1601 году отворил царские закрома, несколько неурожайных лет привели к повсеместному голоду, результатом которого стал каннибализм, безвластие, массовые народные выступления против Годуновых, бегство людей в южные земли, а также появление нескольких самозванцев под именем убитого в Угличе царевича Дмитрия – сына Иоанна IV. Первый Лжедмитрий, вошедший в историю, как поп-расстрига Григорий Отрепьев, якобы служивший когда-то при патриархе Иове писарем, стал фетишем для многих русских людей, поверивших в легенду о спасении царевича Дмитрия. Самозванца поддержала польская шляхта во главе с Мнишеком и Вишневецким, католическая церковь, а также запорожские казаки, среди которых Отрепьев провёл немало времени, обучаясь военному делу. Его также признала своим сыном и Мария Нагая – жена Иоанна Грозного, заключённая в монастырь.

Запах Смуты витал в воздухе! Это понимали власти Московии, царь Борис и его окружение, купечество, дворяне и крестьяне, а также стрельцы, казаки и засечная стража.

Историческая справка

В Московии до Годунова владение землёй было поместным, а не полюдным. Крестьяне могли ежегодно весной, в Юрьев день, покидать землевладельца и переходить к другому или менять сословие. После овладения Волгой народ двинулся на новые земли, оставив без рабочих рук многие сёла и деревни. Видя негативные последствия такого переселения, Борис Годунов издал указ, прикрепивший крестьян к земле. Отныне крестьяне не могли покинуть бывшего владельца. Тогда и родилась поговорка: «Вот тебе бабушка и Юрьев День». 24 ноября 1597 года был издан указ об «урочных летах», согласно которому, бежавшие от господ холопы «до нынешнего… году за пять лет» подлежали сыску, суду и возвращению «назад, где кто жил». Понятно, что этими указами Годунов вызвал к себе лютую ненависть всего крестьянства.

В начале нового XVII века сама природа как будто восстала против власти Годунова. Летом 1601 года шли непрекращающиеся дожди, а следом грянули морозы – «поби мраз сильный всяк труд дел человеческих в полех». В стране начался голод, продолжавшийся три года. Цена хлеба выросла в сто раз. Царь Борис запрещал продавать хлеб выше обозначенного правительством предела, иногда прибегая к преследованиям тогдашних спекулянтов. В 1601—1602 гг. Годунов вынужденно пошёл на временное восстановление Юрьева дня. Массовый голод и неприятие установления «урочных лет», стали причиной восстания новгородца Хлопко Косолапа в 1602—1603 годах, ставшего предвестником Смуты.

Неприкрыто враждебное отношение к Борису Годунову со стороны казаков было обусловлено тем, что он грубо вмешивался в их военную и бытовую жизнь. Кроме того, царь постоянно грозил донцам уничтожением. Казаки видели в этом только требования «плохого

царя не царского корня» и начинали бороться против этого «ненастоящего» царя. В 1604 году казаки захватили на Волге Семёна Годунова, ехавшего с поручением в Астрахань, а после, отпустив его, наказали передать царю: «Объяви Борису, что мы скоро будем к нему с царевичем Димитрием». Самозванец, воспользовавшись такими настроениями, послал своего гонца с грамотой, чтобы казаки прислали к нему послов. Донцы отправили к нему послов с атаманами Иваном Корелой и Михаилом Межаковым. Вернувшись на Дон, посланцы сказали, что Димитрий – это действительно сын Иоанна IV. После этого, казаки двинулись на помощь Лжедмитрию, сначала в количестве двух тысяч человек. Началось казачье движение против власти Бориса Годунова.

Замысел Смуты был выпестован русско-литовской частью аристократии Речи Посполитой с примкнувшими к нему ливонскими правящими родами. В этом сборище было много бояр, «бежавших от гнева Грозного», а главными зачинщиками Русской Смуты стали минский воевода князь Мнишек, литвины рода Сапега, перекрестившиеся в католичество, а также ополячившаяся семья украинских князей Вишневецких. Центром заговора был замок Самбо, принадлежавший князю Мнишеку. Там создавалось ополчение и устраивались пышные балы, на которые приглашались беглые московские бояре с семьями. Именно там московиты опознавали «законного» наследника московского престола –Димитрия. При нём уже начала образовываться придворная аристократия. Курьёз, но в окружении Лжедмитрия в его царское происхождение верил только он сам, а остальным он нужен был только для свержения Бориса Годунова. Польский король Сигизмунд благословил самозванца на захват Москвы и русского престола.

Казаки поддержали Лжедмитрия, приняв обещания о будущих привилегиях и богатствах для себя за правду. Весной и летом 1604 года две тысячи донцов пошли от Киева, а ещё восемь тысяч казаков из разных войск пошли Крымской дорогой на Москву. После задержки возле Новгород-Северского, который обороняли отряды воеводы Басманова, войско самозванца, двигавшееся с запада, долго оставалось в Севске. В это время на востоке, наоборот, города один за одним сдавались без боя. Наконец в Севск пришли двенадцать тысяч запорожцев и орда Лжедмитрия с запада снова двинулась на Москву, но на пути её ждали войска Годунова.

Сейчас донская старшина, зная, что самозванец ждёт от них подкреплений, решала вопрос посылки отряда казаков в четыре тысячи сабель на подмогу Лжедмитрию, который никак не мог объединить две армии на западе и востоке. Восточное войско действовало очень удачно, так как стрельцы, которые ещё недавно были казаками, снова переходили на сторону станичников, не оказывая никакого сопротивления. Путивль, Рыльск, Белгород, Валуйки, Оскол, Воронеж, Кромы и другие города были во власти казаков.

—

Кирьян Ведьмедь знал всё это, но не верил самозванцу и считал его ставленником польской шляхты, не имеющим отношения к убиенному царевичу Димитрию – сыну Иоанна Грозного. Поэтому он не участвовал ни в одном из походов на Москву и отговаривал казаков своей сотни от передвижения в неизвестность. Кирьян понимал, что обещания казакам золота и серебра из царской казны – пусты, как и сама казна после четырёх лет неурожая и голода в стране. Некоторые казаки хотели посадить на московский трон своего царя, который бы правил по справедливости и соблюдал все казачьи вольности, давая щедрое жалование за службу. Но опыт подсказывал Кирьяну, что такого царя не может быть, что это – лишь мечтания простых людей, мало знающих о политике и государственных делах.

Сам Кирьян, хоть и мало был образован, интересовался, как люди живут в разных странах, кто ими управляет, какие налоги платят, сколько земли имеют. Об этом сотник разговаривал с атаманами, с казаками, бывавшими в разных странах, с полоняниками и заложниками, среди которых попадались высокопоставленные военачальники и чиновники. Да и сам

Кирьян побывал в разных местах и повидал разных людей, рассказывавших и объяснявших мироустройство. Порой такие разговоры превращались в споры вплоть до мордобития, но чаще Кирьян впитывал знания и выслушивал каждого, кто мог что-то интересно рассказать о своей Родине, о путешествиях и набегах, государственном управлении, военном деле, семейных традициях. Он выспрашивал сведения о великих битвах, переселении народов, обычаях и обрядах, удивляясь многообразию культур и традиций в окрестных местах и дальних странах. Сотник мечтал побывать ещё на тёплых морях, увидеть чёрных людей, какие были с ним гребцами на галере, посетить святые земли и города Иудеи, Египта, Сирии, проехать под победными знамёнами по Европе и Азии. Но положение в Московии не позволяло сейчас планировать походы или посольства куда бы то ни было.

Размышляя о сегодняшнем дне, Кирьян склонялся к мысли о необходимости помощи патриотически настроенным русичам, выступавшим против Дмитрия и не признававших его царём, потому что это было справедливо и в будущем позволило бы иметь нормальные отношения с Московией, которая всегда была и будет родной землёй для большинства казаков.

—

Атаман, увидев Кирьяна, указал ему место на лавке напротив себя и кликнул слонявшегося без дела писаря. Как только тот вошёл, приказал принести вина и сушёных фруктов. Когда кувшин с крымским был принесён, Стародуб налил Кирьяну и себе в круглые пиалы и чуть отхлебнув, сказал:

– Ну что, Кирьян Иваныч, зовёт старшина войсковая тебя опять, чтобы ты с сотней шёл на Раздоры, а там с войском – на Кромы, где Димитрий Иоаннович ждёт помощи от нас. Жалованье тамо и получишь сразу.

Кирьян выпил вино, взял пару урючин с блюда и смотря на них внимательно, ответил:

– Ты же знаешь, Гаврила Михалыч, не хожу я войной на Москву, потому что не верю этому Димитрию. Слух был, што он – поп-расстрига Отрепьев Гришка, сначала в запорожцах сидел, а потом к Мнишекам попал, а те его и продвинули за убиенного мальца, сына Грозного царя Иоанна, чтобы престол московский захватить. А старшине одно надо – где кого пограбить, но Московию не пойду грабить, там сёстры у меня, почему я супротив них должон идти?

– Да не супротив них, а за правду! Ведь признали того Димитрия многие, а на Москве его матери представят, она уж точно скажет, а раз он не боится, идёт на то, значит, взаправду – Димитрий Иоаннович. А будешь там, так и сестёр своих увидишь и сюды можешь взять, а коли замужем, так и с мужьями примем, сам знаешь, всем рады. Атаманы просют, надо уважить. Тебе сходить туды-сюды и к весне дома будешь, зато с подарками да почётом. У меня другие все ушли, три городка полупустые, бабы да ребятишки, охранить некому. Да зимой и напасти не будет, а к весне все вернётесь.

– Ох, Гаврила, не хочу идти по зиме, бураны в степи, корма нет коням, от городка до городка за день бывает, не дойдёшь, а ну как сгинем? Кто детей кормить будет? Казачки? Они и так с утра до ночи управляются, не присядут. Вдов плодить нету желания ни у меня, ни у казаков.

– Ты съезди, а там поглядим. Посля Рождества можа сходите, а в марте вернётесь.

– Ладно, на Круг съезжу, не дело Круг мимо пропускать.

– Давай, сотник, с Богом! Да возьми десяток с собой, припасу привезите огневого, а то у нас совсем нету.

Кирьян вышел из атаманского куреня, посмотрел прищурившись на Солнце и подумал вслух:

– Можа и правда сходить до Тулы, да сестёр попроведать. Ежели всё хорошо, пускай там и живут, а ежели плохо, заберу с собой. На походе варить будут да стирать, а домой придём, курени им поставим, а надо будет, замуж отдам кому. Тока, как вот Наталка? Ругать меня будет… Эх, ладно, где наша не пропадала!

Сотник улыбнулся и сел на коня, припустив намётом застоявшегося жеребца.

Глава II

«Всю жизнь сладко не проешь, мягко не проспишь, чисто не проходишь»

У сотника Ведмедя была большая семья из шестерых детей: троих сынов, троих дочерей, и жены Натальи. В хозяйстве у Кирьяна было два работника – ногая, которые сами попросились к нему во время угона табуна, потому что понимали, что им не сносить головы за потерю тысячи коней. Работников Кирьян не обижал и разрешил поставить им две хаты из самана, под камышовыми крышами и с печами, у себя на базу. Один ногаец сразу женился на полонянке – татарке, жившей по соседству, и принял крещение вместе с ней, а второй молился аллаху и соблюдал намаз, хотя между собой они никогда не спорили и не ругались. Сыновей Кирьяна звали Прохор, Ефрем и Сергий, а дочерей – Агафья, Ульяна и Настя. Прошка был одиннадцати лет, Ефремка – десяти, Сергуня – восьми лет от роду, Агаше в этом году исполнилось девять лет, Уле – шесть, а Настёне – три года.

К их семье лет десять тому назад прибилась женщина, бежавшая от черкесов, у которых она в рабстве прожила более 20 лет, попав туда в пятнадцатилетнем возрасте. Ещё не старая, она была седой и очень худой, а нашёл её в степи дозор Андрея – брата Натальи и привёз в городок. Женщина не помнила своего имени и её прозвали Найдёна, а Наталья помогла ей помыться, дала одежду и обувь и попросила Кирьяна оставить её у себя в качестве помощницы по хозяйству. Он был не против, потому что курень Кирьяна считался одним из самых богатых, а сам Кирьян – домовитым и уважаемым казаком, имевшим решающий голос во многих вопросах, обсуждаемых на Круге. Так получилось, что все домовитые казаки жили на одной стороне центральной улицы городка, а голутва и несемейные приезжие, не казацкого пока рода, ставили себе хаты и курени на другой стороне.

С особой ответственностью казаки подходили к строительству своих домов. При укладке маток (несущих балок под потолком), хозяин старался как можно лучше накормить и напоить нанятых работников, чтобы они положили монеты, крестики, иконки в специально вырубленные ямки. Хозяин знал – если не уважить работников, они могут подшутить или назло не положить этих предметов и дом будет скрипеть, в подполье появится вода, дом может сгореть или в нём часто будут умирать. Напастей может быть много....

Перед тем, как входить в новый дом, туда запускали кошку, которую нужно было обязательно своровать – это не считалось зазорным, наоборот, о кошачьем прибавлении обязательно, как бы случайно, объявляли на посиделках. После кошки в дом заводили детей и вносили икону. Если не было своих детей, просили у соседей, что было для них большим почётом, так как соседи после этого считались родственниками. Затем дом освящался местным церковным батюшкой.

Чтобы задобрить Домового, для него специально выпекали колобок и оставляли в подполье вместе с рюмкой спиртного. На счастье, к воротам или над дверью прибивалась подкова, которую нужно было обязательно найти, причём не специально, а случайно. А чтобы в дом никто не прошёл со злым умыслом, у калитки закапывали пучок конского волоса. Ветхую изгородь убирали и ставили новую, обязательно выдвинув её чуть в улицу, дальше старой. Уменьшать земельный участок считалось плохой приметой.

Казаки никогда не закрывали свои дома на замки. Возможно, казакам не давали запустить руки в чужой карман прилюдная порка и принятие обществом воровства, как смертного греха. Может не воровали оттого, что не было замков или нечего было тащить, в станице почти все могли быть родственниками, а в доме всегда оставалась хозяйка с ватагой ребятишек.

Особой вражды между богатыми станичниками и одинокими вольными казаками, большую часть года промышлявшими где-то зипуны, коней и скот, не было, хотя общие вопросы Войска Донского, такие, как война, царское жалованье, женитьба, земля, походы и прочие, решались иногда с криком, а то и с мордобоем. Но Кирьян умел усмирить все стороны конфликтов, благодаря чему его постоянно просили рассудить ту или иную жизненную ситуацию.

Сейчас Ведьмедь ехал на Круг в Раздоры с десятком самых близких его казаков – двумя братьями Наталки, братом и мужем Стеши – дочери дяди Зыка из Рамони, а также с Саввой Зайцем – побратимом после турецкого плена и ещё с пятью станичниками, с которыми практически породнился в походах, дозорах, на охоте, на праздниках. Кирьян думал о своей семье, прикидывая, что ему придётся уехать на два-три месяца, а может и больше того. Он вспоминал о прошлой станице в Москву, своих уже ушедших в мир иной товарищах, сёстрах, друге Еремее, с которым не виделся больше десяти лет.

—

Когда полусотня Кирьяна в 1598 году следовала в Москву с посольством к Годунову, он, оставив казаков ночевать в Воронеже, прискакал в Рамонь, где его когда-то приветили и приняли в казаки. Кирьян узнал, что его названный второй отец – дядя Зык умер после ранения в бою с ватагой разбойников в Усманском бору. Когда казаки принесли его на руках домой и вызвали хорошего лекаря из Тулы, Зык ещё мог пить чихирь и курить люльку. Но старый сотник не дождался лекаря и в окружении детей и внуков умер в своей постели, попросив жену Софью положить в свою домовину саблю и люльку. Кирьян встретился с тёткой Софьей, его старшим сыном Василием, младшими детьми, побывал с ними на могиле, расположенной на холме, где долго потом сидел один, думая о своём сокровенном… Он вспомнил встречу со станицей дядьки Зыка в степи, приезд в Рамонь, приём в казаки и первые дозоры, ранения, бессонные ночи, сказки бывалых и запах крови в бою. «Вот и ушёл мой отец названный, – думал Кирьян, – пусть земля ему будет пухом!»

Ведьмедь встретил тогда оставшихся в Рамони знакомых казаков, среди которых особенно был рад увидеть боевых товарищей Черкаса, Молчуна, Расстригу, а также Илью, который женился и имел уже троих детей. Другие станичники ушли строить новые городки на юге с атаманом Битюгом. Ерёма, с которым они ушли в казаки за семь лет до того, был старшим писарем в Вежках (Вешки – Вёшенская), но когда станица Кирьяна проезжала городок, Ерёмы там не было, потому что атаман отправил его на низ по каким-то делам. Так побратимы и не встретились, но сотник знал, что Ерёма женился и у него был сынок трёх лет. А в Рамони теперь в основном жили засечные сторожа, стрельцы, десяток боярских детей и несколько дворян, а также крестьяне, переселённые по царскому указу. Рамонь стала превращаться в село, и уже не была похожа на казачий городок.

Кирьяну с этим посольством не удалось попасть в своё родное Орлово и увидеть сестёр. Село осталось в стороне от пути станицы в Москву, но он всегда помнил о своём долге перед памятью родителей и сестричках, тоже никогда о нём не забывавших. Об их судьбе Кирьян ничего не знал, а она была нелёгкой. Старшая – Груша, едва повзрослев, попала в лапы приказчика Фрола, увидевшего юную красавицу на дворе у её дядьки. Приказчик поговорил с дядькой и тот отдал Аграфену в прислуги на барской усадьбе. А там Фрол затащил девушку в чулан и изнасиловал. После этого он не раз пользовался ею, угрожая жизнью младшей сестры. Груша выпросила, чтобы Мотю тоже привезли в усадьбу под её присмотр и через год они были вместе. Но Матрёна видела, что происходит с Грушей и как она тает на глазах от переживаний и унижения. У девушки теперь была одна мечта и забота – попасть в монастырь.

Сёстры не раз вспоминали своего брата, обещавшего забрать их к себе. «Видать где-то сгинул Кирюха», – думала Груня, прибираясь в барском доме после ночной гульбы хозяина и его гостей в середине месяца студня 1604 года. Все они были бывшими опричниками и теперь держались друг друга, выбирая, на какой стороне выступить – самозванца или Годуновых. У

Груни от её насильника ещё пять лет назад родился сын Иван, которого приказчик Фрол считал своим и определил в дворовые, отдав Груне небольшую избу рядом с дворянским домом, в которой раньше жила семья, попавшая в полон к ордынцам Казы-Гирея, а потом останавливались работные люди, приходившие на барщину. Здесь и жили Груня с Иваном и Мотей, уже расцветшей, красивой статной девушке, постоянно чувствующей на себе «масляные» взгляды хозяина и его друзей, устраивавших охоту, попойки и выезды в окрестные деревни за девками. Мотя из-за этого старалась скрыть свою красоту, была неопрятна и плохо одета, постоянно работала в поле или на гумне, чтобы её не видели дворяне или их боевые холопы. Она хорошо помнила, что случилось с сестрой, и не хотела повторения её опыта. С ней дружил парень из Орлова по имени Пров, знавший сестёр с детства, но виделись они не часто, и Мотя чувствовала себя уже засидевшейся в девках, перестарком, как говорили на селе, потому что тогда часто выходили замуж в пятнадцать – шестнадцать лет, а девушке уже было двадцать. Прову жениться не разрешали родители, видевшие в Моте обузу без приданого, без роду и племени.

Груня после рождения сына не думала уже о монастыре, желая все силы положить на воспитание мальца и научить его грамоте, понимая, что это поможет ему в жизни. Она часто говорила Ване: «Вот дядя Кирьян приедет и заберёт нас. Он у нас атаман в казаках!» Сама женщина уже не верила в это, но надежда умирает последней, поэтому иногда Груша выходила на косогор возле пруда, где стоял дом Васильевых и смотрела вдаль, надеясь увидеть брата и представить, какой он сейчас. Её насильник Фрол был женат три года, но потом его жена умерла от горячки, не родив детей, и приказчик стал гораздо лучше относиться к Груне, приносил гостинцы сыну, а однажды сказал, что женился бы на ней, да дворянин не позволит, потому что Фрол был его правой рукой и ему не позволили бы сейчас уйти в семейные дела от службы.

Время бежит быстро, и сёстры всё меньше и меньше продолжали тешить себя надеждой на возвращение Кирьяна. Но в эту голодную и «смутную» зиму, когда в Москве решались дела, определившие дальнейшую историю России, свершилось! Сотник Кирьян Ведьмедь уже готов был к ним ехать. Сёстры о том не ведали, но какое-то странное чувство не покидало Груню в этот день. На улице стоял трескучий мороз, а в доме слышался храп спящих дворян и холопов, до утра пивших хмельное. Груня подбросила в печь дрова, подмела мусор, поставила метлу в угол, а потом собрала остатки дворянской трапезы со стола, чтобы накормить Ваню и Мотю, потому что голод давал о себе знать, ведь они питались не чаще одного раза в день, а то и меньше того. Здесь было полкаравая ржаного хлеба, несколько куриных крылышек, жбан с квашеной капустой, солёные грибы на тарелке, пара луковиц, две рыбины, гречневая каша в горшке. Отложив понемногу разной еды себе в горшочек и тряпицу, Груша оглядела стол и палату, задумавшись на минуту о своей жизни и судьбе. Вдруг у неё мелькнула мысль: «Кирьян едет!» Она опустилась на стоявшую рядом лавку. Сердце колотилось так, что казалось, разбудит пьяных воёв. Женщина встала, оглянулась, и обернув голову платком, вышла в туманную морозь с узелком под старым овчинным тулупом, в котором она ходила. Груша быстро дошла до своей избы и распахнув двери в сенцы, перевела дух. «Едет!» – кричало всё внутри. Она поверила этому голосу, как Божественному провидению, осенившему всё её существо и возродившему надежду.

Открыв двери в избу, Груня, улыбаясь, подошла к столу и перекрестилась на маленькую закопченную икону Богородицы. «Пресвятая Богородица, молю тебя, дай моему брату доброго пути и здоровья!» – прошептала Груня и, увидев торчащую с печи белую голову Вани, смахнула слезу.

– Вставайте, лежебоки, гостинцы вам принесла! – громко сказала Груша, подхватывая сына с печи. Следом показалась нечёсаная голова Моти.

– Чой-то ты кричишь? Никак Фролка хлеба дал? – спросила Мотя, потягиваясь и свешивая грязные ноги с печки. – Холодина! Дрова-то есть в избе?

– Сходи с поленницы возьми, да заодно потом воды принеси, а я налажу на стол. После хозяйских гостей вона скока еды нетронутой осталось. Пока спят, я взяла. Не всё им, пенькюхам, жрать…

– Пойду! А вёдра-то на улице что ли?

– Подле дверей в сенях.

– Ладно!

Мотя слезла с печи, сестра с укоризной на неё посмотрела, сказав:

– Ты бы в баню пошла сёдни, а то грязная да нечёсаная, как развисляйка. Кирьян приедет, а ты такая. Возьми дров и туда отнеси, а вечор затопим потихоньку. Да снегу в чан наложи. Я и Ваню помою тамо, и сама обмоюсь. Смена белья есть у нас, так что в грязи ходить?

Мотя потянувшись, ответила:

– Тебе сон, что ль приснился? В баню-то, кажись послезавтра идти. Тебе всё, свербигузка, скорее да скорее надо.

– Ишь, ёра какая, шлёнда! Да! Приснился сон! – Груня прятала улыбку, быстро разрезая солёную рыбину, выкладывая лук и краюху чёрного плотного хлеба на стол. – Давай, неси воду да дрова, мы пождём тебя. Да умойся, Баба Яга!

Ванюшка засмеялся этим словам и стал тыкать в Мотю пальцем, приговаривая:

– Бабка Ёшка! Бабка Ёшка!

Мотя показала ему язык, накидывая шаль и старенькую телогрею. «Баня так баня, – думала девица, – как будто я мыться не люблю? Просто не хочу, чтобы всякие лезли ко мне, как к бессоромной !» Она вышла на двор с деревянными большими вёдрами, сняла с гвоздя на стене коромысло и поёживаясь, быстро пошла к колодезю-журавлю, стоявшему посередине деревеньки Ракитной, расположенной возле барского дома в ста шагах от околицы Орлова. Она была окружена двумя десятками старых ракит, в кронах которых весной селились грачи, а сами кроны были усыпаны их гнёздами.

—

Десяток Ведьмедя прибыл в Раздоры к началу Круга, когда атаманы и есаулы вышли на майдан с бунчуками и булавами. Над майданом стоял тихий гул от голосов, переговаривавшихся казаков. Всех волновал предстоящий зимний поход. Наконец войсковой атаман Иван Корела крикнул казакам:

– Здорово были, казаки! Сёдни у нас, браты, не токмо про поход гутар будет, но и про измену, бегство с поля брани, а также про смертоубийство промеж казаками сотни Бурхана Чёрного. Измена же случилась, когда посольству московскому дали полусотню с есаулом Ивашкой Муромским для охраны их до Азова, а он повёлся на уговоры и пошёл в Азов к турским людям и по пьянке обсказал всё про наши дела и походы. Хвастался, что пойдём Москву брать с Димитрием, а потом в Туретчину – на Царьград. Рассказал, сколько огневого припасу у нас и всего войска полюдно. Казаки, кто не согласны были в Азов идти, приехали оттель и донесли нам про измену енту. А московиты с турскими пашами договор состряпали, что не будут воевать покеда. Что скажете, казаки?

С разных концов майдана послышались крики:

– Смерть предателю! Нехай в мешке по Дону поплавает.

– Башку снесть и весь сказ!

– Без приказу атаманского разгутарился, як баба! Убить его!

Никто не сказал за есаула доброе слово, потому что вина его была велика. Атаман дал провинившемуся последнее слово. Есаула вывели вперёд перед казаками и развязали руки. Он бросился в ноги Кругу, перекрестился и произнёс:

– Вина есть на мне, Язык мой – враг мой. Отрежьте его, браты, но живота не лишайте! Крест целую, шо пить не буду боле, токмо служить Кругу и войску! Запрастите за ради Христа, казаки!

– Воевал я с им на Каспии и в Крыму. Добрый вояка есаул, да вот пьёт не в меру, бывает… Думаю, языка укоротить хватит ему наказанья али ногайкой поучить, – громко высказался Кирьян, – всё одно идём к Москве и про то знают турки от черкасов, шо у Димитрия в войске.

– Верно сотник гутарит! – поддержал Ведьмедя Осип Хромой, старый казак, не раз имевший атаманскую булаву. – Ивашка турчинам рассказал, что они и так знают через лазутчиков и тезиков. Языком молоть – не казачье дело, но кто из нас не напивался хмельного да не базарил лишнего? Што в Азов с московитами ушёл, то худо, но так ведь узнал, скока там войска, да припасов, да пушек и атаманам донёс. Хватит ему и нагайки, что супротив приказу соделал. А вояка он добрый, сызмальства его знаю. За него могу слово дать, шо пить не будет, а казаки посмотрят да ежели што, наставят на ум. А те, хто вперёд донёс про его, не будучи в Азове, тожа неправые! Нельзя казакам друг на друга ябеду нести, разобраться поначалу надоть.

– Нехай выпорют Ивашку, нету вины смертной на нём! – сказал атаман Тимофей Крюков из Монастырского городка. Круг молчал, казаки, словно задумались каждый о себе самом – не было ли у них таких же вин, как у есаула Муромского. Потом, один за одним, станичники стали гутарить, что можно сию вину простить.

Атаман Корела крикнул:

– Объявляю двадесять ударов Ивашке Муромскому за уход без наказу атаманского в Азов и пьянство с турчинами и московитами.

Есаул закричал:

– Браты! Спаси Бог за вашу милость! Отслужу, клянусь животом своим!

Его повели к козлам, где пороли провинившихся и всыпали двадцать «горячих», да так, что есаул долго не мог подняться, чтобы дойти до куреня. Его отвели домой, где он ещё неделю лежал на животе, изредка попивая воду и узвар и читая Богу благодарственные молитвы. Ивашка Муромский прослужит ещё десять лет, не будет пить, станет атаманом и поведёт казаков вместе с Кирьяном Ведьмедём освобождать Москву от поляков, литвы, немцев и черкасов в 1612 году под знамёнами князя Пожарского и купца Минина.

А Круг продолжался. Иван Корела, выкурив люльку, пока пороли Ивашку, встал на помост и крикнул:

– Дале казаки, слухайте! Убил Семён Морда Митяя Баклана по пьяному делу в дозоре. Гутарит, шо в айданы проиграл на бивуаке и разозлился, а то, што в дозоре бражничать не велено, забыл. Опился сиухи и прибил казака спящего.

– Зуб за зуб, атаман! Дело ясное! Тута и спорить не о чем! – выкрикнул Осип Хромой. Круг поддержал его свистом и одобрительным гулом.

– Хош бы на саблях побились да поранили друга дружку, то ничаго, а убить спящего – хуже татарина поступок, – произнёс сотник Илюха Дубовой из городка Ебок.

– Ладно, браты! По обычаю схороним убиенного казака вместе с убивцем! Ведите его на погост!

Семён Морда, стоящий на коленях перед атаманами со связанными за спиной руками, вдруг зарыдал, как дитё. Он не сказал ни слова, но видно было, что суровый приговор принял и готов понести это страшное наказание. Его подняли и повели за городок, где расположилось кладбище, там уже была выкопана могила для Митяя Баклана и домовина с его телом стояла на телеге рядом. Никто не услышал криков закапываемого живьём казака. Он проявил мужество и принял смерть за свой грех по казачьему закону, действующему уже сотни лет.

Круг ещё не закончился и казаки, дымя люльками, переминаясь с ноги на ногу и обсуждая вполголоса сегодняшние дела, не улыбались, понимая тёмную сторону сегодняшних решений и выводов. Кирьян ждал, когда начнут обсуждать бегство казака с поля боя. Один из атаманов поднял булаву и Круг начал затихать.

– Казаки! Ишо наказать треба Ваську Колючего, который при стычке с ногаями на Сал – реке, трухнул и сбёг с боя, оставив свой десяток супротив трёх десятков ногаев. Просидел в

камышах до ночи, а потом приехал в Семикаракоры и объявил, шо побили всех казаков. Но из станицы трое вернулись, ушли через Дон вплавь, остальные полегли. Потом ужо станичники схоронили братов. Те, живые и сказали, што сбёг Васька.

– И ране сбегал да на ранение списали ему. Не казак енто, трусоват больно, – сказал высокий казак с длинной трубкой. – Хаживал я с им в дозор. Ему спать да жрать токмо охота!

– Завсегда отлыниват от службы, – произнёс десятник из того дозора, который бился с ногаями.

– Гутарь, почто сбежал! – окликнул атаман Ваську, которого привели караульные и поставили на колени перед Кругом.

– Да я думал, полегли ужо все! Не видал никого, одних ногаев! – закричал тонким голосом Васька, оправдываясь в своей трусости. Круг сурово гудел и ни один казак не высказался в защиту Васьки Колючего. Атаман поднял булаву и вынес решение:

– Вижу, браты, супротив беглеца все мы здесь. Не нужон на Дону маркотный казак. Лучше бы убили тя в бою том, молились бы за душу твою, а так, в мешок и в воду!

Казаки одобрительно загалдели и закивали головами. Если рядом с тобой в бою трус, хуже того не может быть! С такими поступали сурово, но справедливо! Через несколько минут Ваську сунули в мешок и с лодки бросили посередине Дона…

Круг после таких скорбных дел обсудил московские вести и решил идти к царевичу Димитрию на помощь в войне с Годуновым, чтобы посадить его на московский престол. Кирьян выступил против, но большинство казаков верили, что Лжедмитрий – реальный сын Иоанна Грозного, а те, кто не верил, хотели получить от этого похода жалование и по возможности – «зипуны». На обратном пути, десяток Кирьяна Ведьмедя вёз в свой городок пороховой припас и свинец. О походе сотник договорился с атаманами, что пойдёт со своими казаками раньше и разведает под Воронежем и Тулой боевую обстановку.

Глава III

«Казаки никому не кланяются!»

Сотня Кирьяна Ведьмедя была готова к походу через неделю после разговора с Гаврилой Стародубом. Но мнения казаков опять разделились. Андрей кричал, что надо тут сидеть, пока московиты и поляки друг другу морды бьют, мол, и так туда казаков ушло тысячи. Савва спокойно доказывал, что посадив новую власть, поменяется ситуация в Московии и казакам начнут регулярно выплачивать жалование. Фома Умной говорил, что сходить надо, только не сейчас, а весной, когда коням будет чем прокормиться. После трёхчасового Круга, Кирьян, попыхивая люлькой, бахнул по столу кулаком и крикнул:

– Ша, станичники гутарить! А то бить друга дружку начнёте скоро! Говорю свою волю, а кто со мной, тот со мной! Нас сотня и пять казаков. По два коня брать надоть, обозец саней двадцать с сеном, овсом, оружием и провиантом. Тамо тож не скатертью-самобранкой будет накрыто, потому на тридцать дён надо всё взять. В обоз возьмём парубков, нехай привыкают к казачьей жизни. А что зима, так она можа навсегда, эта зима, тут уж мы только Богу молиться можем. В степи да лесу всё равно найдём зверя, будет и мясо, значит. Готовьте коней, главное, попоны берите, ковать будем, если что, в городках, как и всегда. По два пистоля и по две пищали у кажного чтобы было, а если нет, мне гутарьте, я дам. Припас огневой частью есть, надеюсь там ещё возьмём. Хотя, браты, честно скажу, мне не нравится эта история с Димитрием. Воняет от неё поляками да езуитами погаными. Гонец гутарил, шо мать Мария Нагая признала Димитрия, дак и то бабу можно уговорить под страхом. Сразу скажу, будет мне надоть заехать в Орлово под Тулу, откеда я родом. Сёстры там у меня, попроведать хочу, тринадцать годов не видал, живы ли, не знаю. Да в Рамони старых друзей повидать, если там они. Ну а ляхву

бить или ещё кого, тамо и решим. На Кругу войсковом атаманском решили после Рождества двинуться всем войском, но мы можем сразу идти, потому что войску в степи кормиться будет тяжко зимой, а сотня пройдёт легко. Десятники, останьтесь! По оружию обскажите, что да как. Дозоры поглядим поначалу. А вы, браты, до вечера все думайте да скажите десятникам потом, кто пойдёт. Никого не хочу тащить на аркане, мы не стрельцы, чтобы без спросу нас куды слать. Думайте!

Кирьян поколотил трубкой по столу и полез за кисетом. Помолчав, набивая люльку, затем произнёс вполголоса, обращаясь к брату жены:

– Андрей, давай, что ли, трёх бычков завалим, а обратно приведём поболе. Нашим-то хватит снеди надолго, да вот у других бедно в куренях. Частью с собой возьмём, частью оставим детям да жонкам.

– Завалим, да и по свинье надо оставить, чтобы им не мослаться без нас тут.

– То дело! Иди сготовь всё, что надо. Свежо мясо завсегда лучше, чем махан тухлый.

После того, как десятники разошлись, Кирьян вернулся домой и зайдя в беседницу, увидел, как из спальни вышла Наталка, немного раздобревшая, но такая же красивая, как и в юности. Теперь это была красота зрелой женщины, познавшей не только прелести семейной жизни, но и тяжкий труд жены казака, постоянно бывающего в походах. На её лице проступала печать властности, и даже Кирьян не мог противопоставить жене свой характер, называя её про себя «атаманша». Наталья умело справлялась с обязанностями жены сотника, была строгой матерью и наставницей дочерей, а сыновья равнялись на Кирьяна и казаков из его сотни, где подобрались настоящие бойцы, не знающие страха, но зачастую миловавшие врагов и недругов, даруя им жизнь.

Наталка тряпицей смахнула со стола остатки табака, взяла льняную скатерть с сундука и постелила её, внимательно посмотрев на мужа, как бы определяя его настроение со словами:

– Будем вечерять, Кирюша?

– Налаживай! А где малые все? – спросил Кирьян.

– Да кто где! Девки тута вон, в спальне прядут, а мальцы на базу, что ли? Гутарила им, чтобы скоту дали да коням, а то темнеет ужо. Да корова отелится вот-вот, бегаю, гляжу. Телка домой возьмём, чтобы не примёрз.

Наталья накрывала на стол, кликнув дочерей и наказав младшей позвать братьев. Мальчишки зашли в курень, обдав морозным паром родителей и гомоня.

– Тиша, сыны! Казаки нагомонили ужо. Давайте за стол, да руки мойте в шайке, – строго сказал Кирьян.

– Задали сена? – спросила Наталья и добавила: – выйду, корову гляну.

Дети сели за стол, и старший сын Прохор спросил Кирьяна:

– Батька, а вы с сотней когда в поход на Москву идёте?

– Да вот дня через два и пойдём.

– А Москва большая? Как наш Курман Яр?

Кирьян усмехнулся в усы:

– Да верно поболе. Там церквы, как у нас яры, а дома да построи, как десяток куреней наших, такие есть у бояр. А народу столько, что не сосчитать. Большая она, Москва! Да вот Дон у нас больше Москва-реки раза в три-четыре.

– А тамо они тож казаки? – пискнул младший Сергуня.

– Ага, казаки, тамо они москали! – не раздумывая, ответил Ефремка.

Кирьян взъерошил ему волосы и сказал:

– Это черкасы их москалями зовут, а мы – русскими кличем да московитами. Мы-то с вами тожа русские, хошь и казаки!

– Почему, батяня? – спросил Еврем.

– Потому что по-русски гутарим, вот почему!

К столу подошла Настя – любимица отца. Он утёр ей нос и посадил на колени.

– Тятя, а сё ты пахнесь люлькой? – спросила малютка. Кирьян прижал маленькое тельце к себе, наполняясь нежностью, и ответил:

– Дак казаки люльки пыхтят. Вкусно им то. А маленькие царевны пахнут травами степными да дождями летними. Ты у меня царевна?

– Салевна! – пролепетала Настёна, внимательно глядя на бороду Кирьяна. – А засеем тебе болода?

– Сам не знаю зачем! Наверно, Господь дал казаку бороду, чтобы враги боялись, а бабы любили!

– А мамка – баба?

Все засмеялись, а Кирьян чмокнул дочь в макушку и сказал:

– Да ишо какая баба! Всем бабам баба!

Он поставил дочь на пол и встал из-за стола, чтобы убрать кисет и люльку в подсумок, висевший на стене. Дети продолжали верещать, задавать вопросы, а он был, как будто в тумане, думая: «Ведь тута и есть моё счастье! Сюды бы сестриц привезть, девки уж замужем можа, а можа и нет…» Зашла Наталья и сказала, снимая телогрею:

– Отцу дайте покою! Есть садитесь! Киря, выпьешь горилки или мёду?

– Да медку выпью чару. Пособить ишо Андрею да казакам надоть скота зарезать, чтобы на походе мясо было и у вас осталось вдоволь.

– Зачем зимой идёте? Ой, зря это! – запричитала Наталья. – Голод на Москве, люди друга дружку едят, и вы туда же.

– Ладно, Наташа, то дело казацкое, не лезь. Придём в протальник (март) али в снегогон (апрель) со скотом и жалованьем. Надо так. Можа и сестёр привезу.

– Да уж хоть бы привёз! И у меня за них душа болит! Садись вечерять.

Семья села за стол, на котором всё было просто, но сытно и, в отличие от Московии, еды хватало. Всё это благодаря богатой добыче, которую добывал в походах Кирьян, и которую можно было продавать или менять на хлеб и другие продукты. Он вместе с родственниками держал несколько быков, коров, свиней, а также овец и коз. Была в хозяйстве и разная птица. Сотник, несмотря на свою суровость и жёсткость, помогал многим небогатым казакам выправлять хозяйство, даря скота или цыплят. Но более всего славился Ведьмедь своим табуном. У Кирьяна была мечта – завести свою породу коней, но пока он ходил по походам, она была неосуществима. Ногаи, которые были у него в работниках, знали много интересных вещей, позволяющих выводить идеальных степных рысаков, крепких, надёжных, практически выращенных в диком табуне. Такие лошади не нуждались в конюшне зимой и могли найти корм под снегом или объедая кустарник.

Дети за столом сидели тихо, быстро жуя сало с хлебом, доставая деревянными ложками пшённую кашу и хрустя солёными огурцами. На столе лежало три жареных сазана и кусочки вяленой щуки. Запивали еду узваром из сушёных слив и груш да простоквашей. После ужина Наталья наказала дочерям прибрать со стола в голбец остатки пищи, а сама ушла в коровник, позвав татарку Фатиму и Найдёну на подмогу. Кирьян накинул шубейку, треух и взяв люльку и трубку, вышел на крыльцо. Сыновья увязались за ним смотреть, как казаки скота бьют. «Через два дня – поход!» – думал Кирьян, посмотрев в вечернее небо. – Как сложится, кто знает? С Божьей помощью разрешим, что да как!»

На базу казаки уже свежевали пару бычков. Кирьян посмотрел, что всё идёт нормально, и похвалив родню, пошёл в сторону атаманского куреня. Затем остановился, глянув на сыновей и сказал:

– Дядьку Андрея слухайте! Да не лезьте куда и попадя! Привыкайте, то наша забота – ростить скота и бить потом, чтобы есть было што в дому. Я до атамана по делу пойду, тута и так казаков хватат.

Кирьяну просто захотелось побыть одному, вдыхая морозный воздух и наслаждаясь свободой. Впереди ещё была долгая жизнь, его жизнь, жизнь его детей, внуков и правнуков. Кирьян понимал в этот момент, что Бог есть на Земле, и он ведёт сотника верным путём!

Глава IV

«Пришли казаки с Дону, погнали поляков до дому»

Зимний поход казаков Нижнекурманъярского юрта 1604 года начался ранним студёным утром за неделю до Рождества Христова. Вестовой из Раздор за день до того привёз наказ атамана Ивана Корелы, в котором он приказывал «прибыть сотнику Кирьяну Ведмедю со товарищи на Воронеж-реку» и ждать там остальное войско, разведав округу и городки под Тулой. Это было нужно для понимания, где стоят царские войска, а где находятся отряды самозванца, к которым и должны примкнуть донцы. Кирьян прочёл грамоту и сунув за пазуху крикнул:

– Пошли, браты!

Всё население городка провожало казаков, ведь без них здесь оставались у атамана Стародуба только два десятка стариков и столько же молодых казаков, которые в случае нападения вряд ли могли оборониться от врага. Но атаман заверил Кирьяна, что постоянно будет посылать гонцов на Раздоры, чтобы знать, нет ли опасности нападения со стороны татар, черкесов или ногаев. Казачьи разъезды продолжали рыскать по степи южнее Дона, откуда часто приходили незваные гости, но сейчас количество дозоров уменьшилось, потому что тысячи станичников ушли в Московию и Речь Посполитую в надежде «найти зипунов» и посадить нового царя в Москве. В основном, это была голутва, у которой не было семей и хозяйства, а домовитые казаки или сидели по куреням, или несли службу здесь, на Дону.

Царь Борис, не раз пытался силой или уговорами заставить казаков служить ему под началом присланных воевод, и тем обижал станичников. Не хотели казаки по стрелецкому образцу давать присягу и служить у царя. Поэтому голутва и стремилась помочь Лжедмитрию сесть на московский престол, поверив увещеваниям его послов из днепровских черкас, что это будет истинно казачий царь.

Жонки казаков выводили коней, брали узду в руки, ожидая пока казаки не сядут в сёдла, а потом держась за стремя шли за мужьями до околицы, заливаясь слезами и крестя их во след. Наталья тоже шла рядом с Кирьяном, уже попрощавшимся с детьми, а за оградой городка он, наклонившись с коня, поцеловал её и тихо сказал:

– Весной вернусь и больше не уйду. Сестриц привезу. Детей береги и себя храни. Атаман поможет, если что. Да не реви, сказал же – приду! Господи, благослови!

– Храни тебя Бог, Кирюша! – причитала Наталья, крестя мужа, и никак не могла убрать руку со стремени. Кирьян немного поддал коню плёткой, скрывшись за пригорком, а она осталась стоять в предрассветном зимнем сумраке, подняв руку с платком. На щеках Натальи двумя ручейками замёрзли слёзы, поблёскивая и морозя раскрасневшуюся кожу. Жена сотника повернулась, выпрямилась и утерев слёзы твёрдо пошла к своему куреню, раздумывая уже о хозяйственных делах и заботах для детей и себя.

Когда последние сани обоза отъехали на расстояние версты от городка, все провожающие стали разворачиваться и идти по куреням и хатам, чтобы начинать этот день без станичников, ушедших в поход к какому-то якобы царевичу Димитрию на подмогу. Сотня шла намётом, временами переходя на рысь или шаг, в зависимости от глубины снега и заносов на шляхе. Дорога была хорошо известна, но зимой её временами просто не было видно, поэтому впереди постоянно шёл дозор, разведывающий лучший путь, чтобы не вязнуть в глубоких снегах по балкам и буеракам. Справа и слева также были дозоры, а сзади обоз прикрывал десяток Андрея, ехавший в арьергарде. Сотня не растягивалась, и первый день похода прошёл скоро. Второй и тре-

тий день также позволили преодолеть по полусотне вёрст. Дальше нужно было поберечь коней, дав им роздых. На пути встречались зимовья и новые городки, но казаки никуда не заходили, обходясь войлочными шатрами – юртами, как у ногаев, которые они устанавливали в местах ночлегов, нагревая кострами внутри. Спали в юртах на войлоке, завернувшись в попоны и тулупы.

Кирьян следил, чтобы на походе шла служба и никто не напивался, потому что по степи бродили ватажники, искавшие кого ограбить, а может и съесть. Несколько раз за сотней увязывались волки, которых казаки выстрелами отгоняли в степь. Но волчий вой всю дорогу преследовал станичников, пугая коней. Дойдя через четыре дня до Вешек, сотня остановилась в городке, чтобы передохнуть и отойти от мороза, не отпускавшего ни на один день.

Здесь Кирьян разрешил казакам расслабиться, они вволю погуляли, подравшись с местными станичниками стенка на стенку. Когда, на следующий день Кирьян увидел разбитые носы и синяки под глазами своих братов, он посмеялся над ними, но строго сказал:

– Ну боле бражничать не дам! Не просите! Впереди дело и все нужны во здравии, а не с побитыми мордами. Ещё неделю идти, а тамо неизвестно шо будет. Атаманов дождёмся, поглядим, в какую нам сторону надоть.

Сам сотник был счастлив тем, что встретил Ерёму, обосновавшегося в Вешках с семьёй. У него было два мальца и дочка. Ерёма стал старшим писарем у Веженского атамана Петра Курдюка. Городок был маленьким и здесь жило не больше пятидесяти семей казаков и столько же несемейных. Кирьян увидел Ерёму в атаманском курене и поразился тому, как тот возмужал и окреп.

– Ну здорово, братуха! – крикнул Кирьян, подходя к Ерёме сбоку, – ну и здоров же ты стал!

– А ты кто будешь? – сначала не узнал его Ерёма. Потом его глаза сверкнули и они крепко обнялись, не стесняясь слёз.

– Вот чертяка, нашёл меня всё-таки, мне ж гутарили, что спрашивал когда-то меня Кирьян, а я был в Раздорах с Битюгом тогда на круге. Откуда ты, куда? Видал, что творится на земле-то? Голодовка не кончается, зима да зима! Эх, Кирюха, как же я рад тебе!

– Давай-ка сядем, погутарим, расскажешь, что да как. Постоим тута у вас пару дён, кони притомились, да и сами на морозе сколько дён жили.

– Дак ко мне в курень счас пойдём. Ты накажи юрты ставить вона на майдане, а я котлы покажу где и дрова. Пусть станичники шулюм да кашу варят, а мы пойдём ко мне!

В курене у Ерёмы было тесно, но чисто и опрятно. Он хоть и не ходил за зипунами, зато получал хорошее жалование сразу от трёх атаманов, потому что был главным грамотеем в нескольких городках. Все атаманы Верхних городков шли к нему за советом и просили написать грамоту или челобитную. Жена Еремея Анфиса была невысокого роста, полная и очень весёлая. Её приятное округлое лицо всегда выражало добродушие и человеколюбие. За эти качества характера и полюбил её Ерёма, встретив однажды в городке Лиски, где они с матерью прятались от холопов своего дворянина, от которого сбежали из-за постоянных домогательств и побоев. А через год, когда он решил остаться в Вежках и построил курень, привёз свою невесту и сказал: «Будь хозяйкой здесь!» Уже через неделю на круге их благословили казаки и атаман.

Старые друзья до утра вспоминали прошлое и разговаривали о самозванце, царе Борисе, голодухе, обрушившейся на Русь и предстоящей войне. Кирьян взял слово с Еремея, что тот, как будет оказия, приедет к нему в гости, а может и «насовсем». У Ерёмы для Кирьяна был подарок – записи его рассказов о турецком плене. Кирьян прочитал их, сделал несколько замечаний и поблагодарив друга, сказал:

– Брат, сохрани у себя, можа когда добавишь других сказок и будя у тебя летопись. Ты грамотей, нехай у тебя и хранится она.

—

И снова степь, плавно переходящая в лесистые места по верхнему Дону… Завьюжило и пришлось встать на лесной опушке, чтобы переждать непогоду. Кирьян наказал дозорным смотреть за конями, потому что вокруг рыскали волки, а сам залез в юрту, бросив тулуп прямо на подтаявший у костра снег. Сотник всю дорогу думал о сёстрах и понимая, что может их не найти, сказал себе так: «как Господь рассудил, так и будет, а я всё приму, но хочу их встретить и увезти!»

Казаки притащили к Кирьяну двух ватажников, промышлявших съестное. В ватаге их было с десяток, но остальные сейчас лежали в окровавленном снегу, побитые дозорными казаками. Андрей и Евдоким держали связанных разбойников за вороты полушубков, а те, озираясь, пытались понять, кто эти люди и куда идут. Кирьян привстал со своего походного ложа, отпив из баклаги воды, и промолвил:

– Однако разбойничков привели, браты?

– Кинулись на нас аки бирюки, один кусанул Ерошку Черняя за руку до крови. Вот зверьё какое в степи водится, – ответил Андрей, тряхнув лохматого ватажника с длинной бородой.

– Они суки рогатинами двух коней порешили, нас-то пятеро, так только пищалями да пистолями и отбились. На пику двух накололи, а эти побежали, но недалёко успели, – продолжил Евдоким.

– Людей ели? Гутарьте честно! – громко сказал сотник.

– Да мы токмо коней хотели взять на пропитание, а не людей, – сказал лохматый, а второй разбойник закивал головой, подтверждая его слова.

– Врёшь, паскуда, кричали, что месяц казачатиной питаться будете, когда на нас кинулись, – спокойно произнёс Андрей.

– Было, Кирьян! – подтвердил Евдоким.

– Конь казацкий дорого стоит, дороже ваших никчёмных жизней, вороны степные! – гаркнул Кирьян, побагровев, – уберите эту падаль!

Казаки вытащили разбойников из юрты и снесли им головы, опрокинув затем тела в буерак. А на утро от разбойников не осталось даже костей, всё подобрали волки.

—

Воронеж встретил казаков неласково. Местный атаман и сторожевой голова не хотели пускать сотню в городок, говоря, что они не принимают самозванца, как царевича Димитрия и казакам тут делать нечего. Кирьян не стал брать Воронеж приступом, хотя мог бы, и повернул в сторону Тулы, зная, что основное войско с Нижнего Дона придёт не ранее, чем через пару недель из-за большого обоза. Собрав десятников в юрте, Кирьян произнёс:

– Станичники, с Дона ждать братов ишо дён десять, а то и боле. В Воронеж не хотят пускать, да и Бог с ним! Пошли в Рамонь, там я вас оставлю, а сам схожу до деревни Орлово за сёстрами своими. Посмотрю, живы ли, гостинцы дам, а ежели что, так заберу к нам в обоз. Одобряете ли? Другого не будет у меня случая, браты. А кто со мной хочет, так пошли! Димитрий, говорят воронежские, где-то стоит в Белгороде, а тута везде сторожа да стрельцы. Заодно поглядим, кто и где, нам атаману всё донести надоть.

– Я пойду с тобой, сотник! – первым выпалил Савва, а за ним и другие десятники стали говорить, что не хотят сидеть в Рамони, а хотят идти в Орлово. Кирьян усмехнулся и сказал:

– Ну тады слухайте! Тамо есть дворянин, у которого я в холопях был. Он родителей моих погубил, гнида, а сёстры у дядьки троюродного жили тогда. Вот с этим дворянином посчитаться я хочу, раз случай выпал и к сёстрам! Пошли?

– Пошли! – загалдели казаки.

—

Через день сотня уже стояла станом в версте от Орлова и дома Васильева, где как раз гуляли его друзья, бывшие опричники Иоанна Грозного. Кирьян распорядился поставить сани

городком, загнав внутрь коней, а казаки поехали в разных направлениях в дозоры. Сам Кирьян, Андрей, Савва, Евдоким и ещё пять казаков поскакали в сторону Орлова. Въехав в единственную улицу деревни, они увидели запустение и огромные сугробы, которые никто не чистил.

– Вымерли что ли все? – спросил Андрей.

– Кто знает… – Кирьян подъехал к своему дому, который стоял в стороне от других, потому что отец был кузнецом, поэтому все боялись, что он может сгореть, а вместе с ним и деревня. Изба покосилась, а крыша, видимо, уже давно рухнула. Сотник перекрестился и повернул обратно к дому, где жил его дядька. Там он увидел тропинку в снегу, ведущую на колодезь.

– Кто-то есть живой, раз по воду ходят! – крикнул он казакам. Кирьян спешился и придерживая саблю быстро пошёл по тропинке к избе, торчащей тёмным остовом из сугробов. Он постучал в ставни и сразу пошёл к дверям. Никто не выходил и сотник открыл дверь, войдя в тёмные сени и дальше – в горницу. Пахнуло затхлым запахом нежилого дома. Кирьян громко сказал:

– Есть кто живой?

В ответ он услышал какое-то мычание, не похожее на человеческий голос. Вдруг с печи свесились чьи-то ноги, обутые в валенки.

– Кто тута? – проскрипел старческий голос.

– Это Кирьян, кузнеца Ивана сын! – громко сказал сотник, всматриваясь в тёмную, закутанную в тряпьё, фигуру на печи.

– Кирьян… Живой… А я дядька твой, Степан. Мои все померли с голоду, а я вот живой ишо. Садись на лавку, Кирюха, тока угощать нечем, – старик стал слезать с печи, спускаясь по приставленной лесенке.

Кирьян прошёл к лавке вдоль стены и сел.

– А где сёстры мои, дядька Степан? – спросил Кирьян, предполагая самое страшное. Старик сел на чурбак, стоящий у печки и посмотрел подслеповатыми глазами на племянника.

– Ушли они в усадьбу к Васильеву. Тамо и живут. Да у Грушки сын есть от приказчика васильевского. – Нагуляла, видать…Ты прости меня, Кирюха, ежели что не так было. Привечал я вас всех, куды денешься, не чужие, да нужда измордовала, вот и смерти жду, мочи больше нет.

Кирьян уже не слышал его. «Живы!» – колотилось в голове.

– Нету у меня к тебе зла никакого, дядька Степан! – сказал Кирьян, вставая и доставая из подсумка провиант, – на вот гостинца. Раз не даёт Господь помереть, значит жить надо. Ешь, только не всё сразу.

Кирьян положил на стол небольшой свёрток с вяленой рыбой, мороженой говядиной, горбушкой хлеба и луковицей, после чего вышел из избы и вскочив на коня, махнул станичникам рукой в направлении усадьбы, крикнув:

– Идём, браты, спросим у супостатов, што они с сёстрами моими поделали?

Казаки быстро доскакали до домов, где жили дворовые холопы Васильева. Кирьян спешился и один прошёл в ближнюю избу. Там, открыв дверь, он увидел мальца, сидящего на лавке в маленькой горнице с низким потолком. Топилась печь и было тепло, из-за печи слышалось тихое пение, затем женский голос спросил с вызовом:

– Кого там принесло? Тута я, в закуте.

– Подскажи, хозяюшка, где мне найти Груню да Мотю, гутарили, что у барина они в прислугах.

Кирьян услышал, как что-то упало на пол, и из-за печки выскочила молодка, чем-то очень знакомая. Она истошно закричала:

– Братик мой, Кирюшенька любимый приехал! Господи, Слава Тебе!

Она обхватила Кирьяна руками и повисла у него на шее, целуя в губы, в щёки, усы, бороду. Кирьян понял, что нашёл сестёр! Сердце билось, как в бою, а руки держали Груню и он чувствовал тепло её родного тела. В этот момент в избу зашла Мотя, которая мылась в бане и сейчас изменилась настолько, что казалось, что это другой человек. Длинные русые волосы, яркие губы и синие глаза девушки поразили Кирьяна. «Какие ж вы красавицы у меня, девоньки мои!» – проносились мысли в голове.

– Проходи, родной, садись к столу. Как же это и накрыть-то нечего. Где ж ты был стока лет? – тараторила Груня, рассматривая брата, – какой же ты большой да сильный, как батька наш!

Мотя накинула на голову платок и стояла возле двери, не веря глазам. Кирьян и её обнял и поцеловал. Девушка зарделась, сняла телогрею и забежала за печь, чтобы одеться, потому что, кроме рубахи на ней ничего не было. Кирьян сел у стола, положив руки на него и слушая щебет Груни. Когда она замолчала, смахнув слезу и присев рядом, он сказал:

– На Дону я живу с семьёй, Груша. Шестеро детишков ужо имею. Курень справный и хозяйство. Жена Наталка у меня да родни полно. А вы-то как тута? Голодуха кругом! Не суетись, у нас весь припас есть, сейчас казаков кликну.

– А твои казаки меня чуть не стоптали, – улыбаясь, сказала Мотя, выйдя из-за печи, где стоял сундук и топчан, – сказали, что увезут.

– Это точно, они увезут! Вместе со мной поедете!

Груня и Мотя завизжали от радости, а малыш, тихонько сидевший в уголке, удивлённо смотрел на огромного казака с саблей, пистолями и сумкой через плечо. Кирьян вышел и кликнул своих братов. Все ввалились в горницу, отчего здесь стало тесно и запахло морозом, конским потом и суровым мужским походным духом. Казаки доставали снедь из подсумков и выкладывали на стол. От такого изобилия сёстры немного растерялись, не зная, как распорядиться всем. Станичники расселись по лавкам, а Груня и Мотя выставили тарели и блюдо, разложили рыбу, мясо, чёрствые ржаные лепёшки, луковицы, сухие фрукты и ягоды. Появились чарки, а потом Савва вытащил мех с кумысом, который разлил по чаркам и все выпили за встречу.

Была у казаков и горилка во флягах. Гости стали скидывать полушубки, кафтаны и душегреи-безрукавки. Стоял шум, все говорили, а Кирьян смотрел на сестёр, племянника и вспоминал их детство, когда ещё родители были живы. Жили они хоть и небогато, но кузнец в любом селе – фигура уважаемая и неплохо зарабатывающая, поэтому все были сыты, обуты и одеты. Ещё Кирьян заметил, как Савва смотрел на Мотю, а она украдкой поглядывала на него. Кирьян улыбался, и ему нестерпимо хотелось забить люльку, но он терпел, понимая, что сейчас не время. Подозвав Груню, Кирьян прошептал ей на ухо:

– Собирайтесь потихоньку. Скоро тронемся. Да шубейки бери, коли есть, валенки, портянки. На морозе пока будем, а там посмотрим.

Мотя вдруг задумалась и печально глянула на Кирьяна. Он заметил это и спросил:

– Что не так, Груша?

– Братец, есть отец у Ванечки здесь, хотела бы попрощаться с ним. Хоть и силой он меня взял, но потом человеком оказался, помогал нам всё время. Даже жениться хотел опосля.

– Где он?

– В усадьбе. Тамо гуляют уже двунадесять дён опричники бывшие. Я каждое утро прибираюсь, а вечером прислуживаю им. Рожи противные, наглые, лапают и сказать ничего нельзя. Фрол там тоже с ними, только с их холопями пьёт, а иначе засекут.

– Собирайтесь, поедем сейчас туда.

– Да они оружные, ведь беда может быть!

– Мы тоже не с голыми руками, сестра! Собирайтесь!

Груня махнула рукой Моте, разговаривавшей с Саввой, и девушка быстро прошла за ней к сундуку. Они задёрнули занавеску и стали в чувал собирать свои небогатые пожитки. На дне сундука Груня нашла берестяные грамоты, на которых Ерёма и Кирюха писали когда-то стишки. Груня сложила их в чувал вместе с другим скарбом. Тем временем, Кирьян сидел с Ваней на коленях и понемногу давал ему еду, понимая, что малец может заболеть, если объестся. Когда сёстры вышли в горницу с чувалом, сотник громко сказал:

– Всё, браты, повечеряли и будя! У нас дело ишо впереди. Проверяйте оружие, чтобы у всех заряжено было. Груня, собери еду в корзину да поедем. Савва, Матрёну на коня возьмёшь, а я Ивана. Андрей с Грушей поедет.

—

Через некоторое время все вышли на двор и стали садиться на коней. Усадьба была недалеко и до неё доскакали за несколько минут. Оставив двоих казаков с конями, женщинами и мальцом, Кирьян наказал им:

– Ежели что не так пойдёт, уходите к сотне, в свару не суйтесь. Сестёр спасайте! Это мой приказ вам, браты!

Семеро казаков, вооружённых пищалями, пистолями, саблями и кинжалами, подошли к крыльцу. Перед тем, как зайти на крыльцо, Кирьян сказал:

– Дворян всех порешим, мой – хозяин дома, Васильев! А холопы, ежели не будут рыпаться, пусть живут! Да Фролку приведите живого, глянуть на него хочу.

Сотник показал на вход в кухню и туда ушли трое станичников. Поднявшись на крыльцо, все изготовились стрелять, а Кирьян распахнул настежь двери и кинулся в проём сеней. Здесь никого не было, но слышались громкие голоса из-за дверей в дом. Казаки подняли пищали, а Кирьян распахнул дверь. Станичники увидели в конце большой горницы стол и сидящих за ним дюжину пожилых дворян, трое из которых уже лежали лицом в тарелках, перепившись хмельного. Остальные удивлённо посмотрели в сторону двери, не соображая, что делать, когда грянул залп. Отбросив пищали, казаки ворвались в горницу, в которой горело несколько свечей, но углы все были темны. Дворяне повскакали с мест, пытаясь спрятаться и оглядеться, чтобы найти оружие, но станичники были уже рядом, стреляя из пистолей в упор в пьяные морды васильевских гостей. Из кухни в это время вышли три казака и притащили с собой Фрола, который со страху икал громче выстрелов. Кирьян вошёл и спокойным шагом направился к столу, во главе которого сидел дворянин Пётр Васильев, опричник Иоанна Грозного, приказавший забить до смерти отца сотника и не давший матери разродиться дома, погнав её в поле на барщину.

Кирьян сел на лавку, сбросив с неё мёртвое тело и отодвинув блюдо с едой. Васильев исподлобья смотрел на Кирьяна, не понимая, что происходит.

– Кто такие? Будете на кол посажены, холопы! – крикнул вдруг Васильев.

– Кирьян Ведмедь Иванов сын Кузнецов со товарищи! Помнишь кузнеца Ивана, которого ты, сука, забил до смерти за гнутую подкову? Да жонку его, мать мою? Помнишь, бобыня, блудяшка орловская?

Дворянин вдруг переменился в лице и начал трястись.

– Я, это… не знаю… по вине и кара была… за что хотите убить? Холопы брыдлые! Колоброды донские! Сгною всех в яме!

Васильев вдруг подскочил и вытащив откуда-то из-под стола саблю, замахнулся на Кирьяна. Никто не стрелял, потому что пистоли не перезаряжали, но сотник успел увернуться от удара, уронив лавку и выхватив свою саблю. Удар дворянина пришёлся на угол стола и сабля завязла в доске на несколько мгновений, но Васильев выдернул её и снова рубанул Кирьяна, который умело отбил удар. К дворянину кинулся Андрей и другие казаки, но Кирьян крикнул:

– Сам разберусь!

Все остановились в двух шагах от ведущих поединок воинов. Дворянин вышел из-за стола и сделал выпад, пытаясь вонзить лезвие в живот казака, а сотник, отбив саблю Васильева, отпрянул в сторону, плашмя резанул кафтан на груди дворянина, отчего тот согнулся вперёд, а потом с замахом от плеча резко ударил его по шее. Голова дворянина покатилась по полу.

– За то и хотим! Чтоб ты в яме никого не гноил, собака… вот тартыга безголовая, – тихо сказал Кирьян. Голова откатилась к месту, где стоял Андрей. Он плюнул в угасающие глаза и развернулся к Кирьяну:

– В сотню, брат? Или пошарпать чего?

– Пошли, станичники! Тут воняет говном, – произнёс Кирьян, обтирая саблю скатертью. Он первым пошёл к выходу, махнув рукой казакам, державшим Фрола.

—

Когда перед нападением три казака зашли на кухню, где сидели холопы, Фрол спросил вошедших:

– Вы кто такие? Чего надо?

– Кто Фрол? – спросил Савва.

– Ну я Фрол. А какого рожна тебе нужно?

Савва без слов пальнул из двух пистолей в двух пьяных холопов за столом, попытавшихся вскочить за оружием, а ещё двоих убил Евдоким. Остальные три холопа пытались выбежать в подклеть, но их догнал и зарубил саблей Фома Умной. Один холоп пытался отбиться кочергой, но получил удар прямо в глаз и сполз по стене внутрь подклети, где спали ещё четверо пьяных холопов. Их не стали трогать, потому что никто даже головы не поднял. Выйдя из подклети, Евдоким закрыл её на крюк. Савва рукоятью пистоля врезал прилипшему к лавке Фролу по лицу и подхватив за шиворот, потащил в горницу, где уже шла потеха. Теперь Фрол думал, почему его не убили. А когда он на улице увидел Груню, то всё понял, потому что она не раз говорила ему о старшем брате, ушедшем в казаки. Фрол был незлым человеком, но служба у Васильева заставляла его командовать другими холопами, выставляя себя за большого приказчика, правую руку дворянина. Груня кинулась было к нему, но Кирьян остановил её рукой.

– Погодь, сестрица, с этим ишо не решено. Ты зачем, мразь, сестру мою сильничал? Она убиться хотела после того. А ты гнида, заовинник, пьёшь, гуляешь у барина под крылом, и всё тебе прощается? Пришло время расплатиться! Режь ему яйца, браты, чтобы неповадно было.

Казаки схватили Фрола и быстро стащили с него штаны. Груня закричала:

– Кирюша, не надо, люб он мне!

Кирьян даже не обернулся на крик, только глаз задёргался. Он сказал казакам:

– Отпустите говнюка, пусть живёт. Поедешь с нами и будешь жить с сестрой по нашему обычаю. Я тебя лично обвенчаю и буду следить за каждым твоим шагом. Ежели что, твои яйца сожрут собаки. Ты понял?

Фрол только кивал головой и часто моргал. Потом он закашлялся, но справился с приступом и сказал:

– Я её полюбил сразу, да женат был. Собирался жениться на Груне, когда барин разрешит. По-честному гутарю, казаки. Молодой был, кровь взыграла, но любил всегда! Буду мужем, клянусь! Отцом буду, мне он Ванька – родной. Люблю его. Хочу сам с вами идти, без принуждения.

Кирьян внимательно выслушал Фрола и сказал:

– Ну что казаки, берём холопа в сотню? А там поглядим, чего он стоит!

Казаки в ответ стали говорить:

– Пусть идёт, раз тако дело. Нехай повоюет с нами. Берём, сотник!

Кирьян развернулся и скомандовал:

– По коням!

Станица быстро ушла к стану, где стояло три юрты и был готов наваристый шулюм. В одной из юрт поселили женщин и мальца, набросав войлока и шуб. Кирьян ещё долго беседовал с сёстрами, спрашивая об их жизни у дядьки и дворянина, о знакомых и родственниках. Кирьян разрешил Фролу ночевать здесь же, да и сам прикорнул затем, согревшись у очага и выпив добрую чару горилки. Рано утром сотня снялась и ушла обратно к Воронежу, где оставалась в ожидании Войска Донского ещё несколько дней, посылая дальние дозоры по округе.

В усадьбе на следующий день нашли несколько убитых дворян и холопов, но когда приехал сторожевой голова и воевода из Тулы для дознания, никто ничего сказать не смог, да и боялись все. Кухарка, видевшая казаков, спряталась в чулане с припасами и ни слова не сказала дознавателям, сославшись на то, что её отпустил хозяин, а дворник спал пьяный у себя в сторожке и ничего не видел. Проспавшие бойню холопы не вспомнили даже звук выстрелов и просидели почти до полудня следующего дня в подклети, не имея возможности выйти по нужде и вытащить трупы холопов, убитых на кухне. Дворовые девки, которые обычно присутствовали на таких попойках, но в этот вечер были отпущены Васильевым по причине важного разговора. Время было лихое… Дознаватели ничего не добились от прислуги и холопов, махнули рукой и ускакали обратно в Тулу, а через месяц приехал сын Васильева и стал новым хозяином деревни Орлово, но во время смуты и он погиб от рук польских гусар, отказавшись давать им коней и провиант.

Кирьян заезжал в Рамонь, но не нашёл никого из старых друзей, кроме детей старшего сына дяди Зыка – Василия, которые обосновались здесь насовсем. Они встретили сотника и его товарищей, когда-то ушедших вместе из Рамони, как родных. Остальные станичники, служившие с Кирьяном в сотне Зыка Игнатова, разошлись по другим городкам, а некоторые воевали в войсках самозванца. Была середина зимы и Ведьмедь не смог добраться до могилы дяди Зыка из-за сугробов, под которыми не видно было ни могильных холмиков, ни крестов… Выкурив люльку и глубоко вздохнув, Кирьян сел на коня и ускакал в Рамонь, где его ждали казаки и сёстры.

Глава V

«Казак голоден, а конь его сыт!»

Начало 1605 года ознаменовалось разгромом самозванца войсками Бориса Годунова. Запорожцы сразу сбежали на Днепр, а Лжедмитрий – в Путивль. Он решил отказаться от похода на Москву и возвратиться в Польшу. Но прибывшие четыре тысячи донских казаков убедили его воевать. На востоке донцы продолжали брать города. Кромы были заняты отрядом донских казаков в шестьсот человек, которым командовал атаман Корела. Воеводы Годунова отошли к Рыльску и бездействовали, однако царь приказал им двинуться к Кромам с большой ратью во главе с боярами Шуйскими, Милославскими, Голицыными. Осада Кром стала последним актом противостояния Годунова с Лжедмитрием и закончилась она переломом в отношении бояр к самозванцу. С этого момента и боярство, и армия переметнулись к нему.

Осада Кром восьмидесятитысячной армией при шестистах защитниках – казаках во главе с атаманом Корелой продолжалась почти два месяца.

Наблюдатели из иностранцев и русских удивлялись подвигам казаков и «делами бояр, подобных смеху». Осаждавшие были так беспечны, что в Кромы к осаждённым с обозом вошло подкрепление из четырёх тысяч казаков. В армии осаждавших начались болезни и увеличилась смертность. Все окрестные овраги превратились в кладбища. Царя Бориса 13 апреля хватил удар и через два часа он скончался. После его смерти Москва сразу присягнула Фёдору Годунову и его матери. Первым шагом нового царя была смена командования в армии. Новый командующий воевода Басманов увидел, что большинство бояр не принимают Годуновых, как

законных государей. Противиться общему настроению для воеводы значило – идти на верную смерть. Басманов присоединился к Голицыным и Салтыковым, объявив войску, что Лжедимитрий – настоящий царевич. Полки сразу без сомнения провозгласили его царём. Армия самозванца двинулась на Орёл, туда же направился и он сам. В Москву непрерывно засылались гонцы и лазутчики, чтобы возбуждать ненависть народа к Годуновым. Князь Шуйский объявил собравшейся у Кремля толпе, что царевич Димитрий был спасён от убийц, а вместо него похоронили другого. Толпа ворвалась в Кремль, где мать и сын Годуновы были жестоко умерщвлены. Лжедмитрий находился в это время в Туле, куда после переворота съехалась знать из Москвы для изъявления своей преданности. Прибыл в Тулу и донской атаман Смага Чесменский, которого самозванец предпочёл принять ранее других челобитчиков.

20 июня 1605 года Лжедмитрий торжественно въехал в Москву в сопровождении поляков, стрельцов, боярских дружин и казаков. 30 июня 1605 года в Успенском соборе было совершено венчание на царство. Новый царь щедро наградил казаков и распустил их по домам. Часть казаков из сотни Кирьяна вернулись в городок с обозом, но вскоре все узнали о двух дюжинах погибших и умерших от ран станичников. Кирьян переживал по этому поводу и даже пил три дня, ругая себя, что отпустил казаков воевать против Годунова.

Когда после разгрома армии Лжедмитрия в январе 1605 года, Ведьмедь решил, что нет никакого смысла продолжать мотаться по станам, он на Круге предложил своим станичникам идти домой, понимая, что война принимает затяжной характер, а жалования никто не собирается платить. Он хотел быстрее довезти сестёр до Нижнего Курман Яра, потому что жизнь на войне – не женское дело, да и племянника жалел, боясь, что тот заболеет. Сотня Кирьяна разведывала сколько и каких московских войск действует против Лжедмитрия, но в бой Кирьян своих казаков старался не посылать, потому что жалел их жизни, которые могли быть потеряны за неправое дело. Как и раньше, сотник не верил, что Димитрий – настоящий сын Иоанна Грозного, поэтому воевать за него не собирался. Атаманы уже не могли сдерживать казаков, и всё больше их уходило по городкам и станицам, разочаровавшись в этой войне. Но несемейная голутва из сотни Ведьмедя решила остаться под началом атамана Корелы, а домовитые казаки и старые вои Кирьяна хотели вернуться. Они сделали вывод, что «проще нам сходить на Волгу по зипуны, чем тут пропадать с самозванцем». Домой ушло больше половины казаков, а оставшиеся попали в осаду Кром войсками Годунова, и только смерть царя позволила им выжить.

—

Дорога домой из того похода была тяжёлой из-за постоянных буранов и метелей. Шляхи замело позёмкой, передовые дозоры подолгу искали дорогу из-за сугробов и перемётов. До Вешек решили идти по донскому льду, но и там приходилось пробиваться через сугробы и кое-где обходить промоины.

Станичники перевели дух в Вешках, где Кирьян ещё раз свиделся с Ерёмой, встав у него на постой. Сёстры сотника не сразу узнали братова дружку, помня маленького быстрого паренька, певшего в церковном хоре. Теперь это был отец семейства с небогатым, но опрятным и справным, благодаря стараниям Еремеевой жены Авдотьи, куренём, стоявшим прямо на яру возле реки.

Все орловцы долго сидели за столом при свечах и вспоминали о детстве, где-то прослезившись, где-то смеясь и радуясь тому времени. Груня достала из чувала берестяные грамоты, которые ещё мальцами писали Ерёма и Кирьян. Кирьян попросил побратима оставить их у себя, как и записки о татарском и турецком плене. Фрола сразу после орловской бойни, Кирьян определил в десяток Фомы Умного, чтобы холоп дворянина Васильева быстрее понял казачью жизнь в походе.

Расставались Ерёма и Кирьян с болью в сердце, понимая, что невозможно предугадать, будет ли ещё встреча. Они крепко обнялись, а потом без слов разошлись, смахивая скупые мужские слёзы. Донцы шли по заснеженной степи, стараясь не заблудиться на бездорожье и

ориентируясь по малозаметным зимой приметам – одиноким деревьям, распадкам и оврагам, руслам рек и холмам, знакомым по прошлым походам. Питались сушёной рыбой и вяленым мясом, остатками сухарей, варили шулюм из конины, появившейся после убоя двух лошадей, сломавших ноги при крутом спуске с холма, пили воду из растаявшего снега или долбили лёд на реках, добывая её из полыньи. Скота, обещанного Кирьяном Наталье и другим жонкам, не добыли, да и не дошли бы коровы и бараны по открытой степи до Нижнего Дона.

Через восемь дней, когда станичники уже подъезжали к Нижнему Курман Яру, вдруг выглянуло Солнце, засеребрив снега, заставляя людей щурится, а лошадей быстрее бежать по белому безмолвию зимней степи. Уставшие и промёрзшие путники восприяли духом и последние вёрсты перед домом ехали в ожидании домашнего тепла и горячей пищи, напевая знакомые мотивы, оживлённо переговариваясь и смеясь.

Городок встречал станицу сначала тихо, а потом праздничным гомоном и выстрелами в воздух. Кирьян узнал, что атаман Стародуб умер недавно и теперь нужно выбирать нового атамана. Дома всё было нормально, да и вернулись станичники практически без потерь, не считая оставшихся на войне. Только трое курманъярских казаков погибло в этом походе, но и те были несемейные.

Фрол хорошо проявил себя, постоянно заботясь о женщинах и сыне, что поручил ему Кирьян. Десятник Фома давал Фролу разные задания, он ходил в дозоры, упражнялся с саблей, стрелял из пищали и пистолей, овладевал казачьим копьём – пикой. А однажды Фрол вовремя вывез сестёр и сына из стана, разбудив и отдыхавших дозорщиков, перед тем, как туда нагрянул отряд боярских детей. Это была конница Годунова, охотящаяся за языками. Казаки тогда все ушли к Туле, оставив в стане рядом со старой засечной линией только караульных и дозорных. За это дело Кирьян поблагодарил Фрола и стал доверять, как своему.

После похода Кирьяну некому было докладывать о потерях и «зипунах», для этого нужно было ехать в Раздоры или наскоро выбирать атамана здесь. Сотник решил это оставить на пару дней, чтобы отдохнуть от долгого и сложного пути. Когда Ведьмедь вошёл в свой двор, за ним следом зашли Мотя, Груня с Ваней и Фрол. Наталья, выйдя на крыльцо и увидев всех, сначала обняла мужа, и улыбаясь, осмотрела прибывших, понимая, что это теперь тоже её семья. А через минуту уже накрывала на стол с двумя золовками, отправив племянника Ваню знакомиться с двоюродными братьями и сёстрами в спальню, где ребятня играла в айданы, а девчата учились вышивать.

--

Кирьян не знал, что на городок сразу после Рождества напали ногаи, желая угнать оставшийся скот и коней. На его оборону встали все, от мала до велика. Жонки и парубки, старики, раненые и больные казаки во главе с атаманом Стародубом, сильно страдавшим от болей в животе, заняли круговую оборону. Стояли морозы, Дон покрылся крепким льдом, позволившим ногаям перейти его без проблем. Две атаки были удачно отбиты, а когда уже затемно, кочевники, спешившись, опять полезли в городок, на сторожевой башенке парубок стал бить в било, собирая защитников, разошедшихся по куреням и хатам ночевать. Сторожа, как могла, отбивалась от наседавших ворогов. В одном месте нескольким ногаям удалось перелезть через плетень и возле него началась рубка. Нападавших было в два раза больше, но подоспевшие жонки с рогатинами, пистолями и саблями, а также несколько стариков с пищалями перебили врагов. Наталья в том бою положила саблей ногайца, а другого застрелила из пистоля, спасая жизнь Стеши, которую окружили три степняка, надеясь взять в полон. Третьего убила сама Стеша, сделав выпад вперёд и продырявив врага насквозь, после этого упав на колени и разрыдавшись. Наталья обняла подругу и прижав к себе, приговаривала:

– Мы жа казачки, Стеша, воевать должны, как и мужи наши. Ничаго, придём, по чарке горилки выпьем, ничаго, подруженька. Погнали поганых вона парубки.

Возле городка и за его стеной после набега нашли два десятка убитых ногаев и десяток раненых, которых добили хлопцы, принимая это, как должное в той жизни, которой они жили. Всех убитых врагов вывезли за версту от городка и бросили в буерак, где их съели волки и лисы. Потери казаков составили троих убитых и восемь раненых. После нападения Гавриле Стародубу стало совсем худо и он через три дня скончался в своём курене, не вставая с лавки.

—

Время смуты прокатилось по Московскому царству страшными потрясениями, население страны уменьшилось почти в три раза. На Дон пришли новые жильцы из России, искавшие счастья на новых землях и часть из них – в городки, расположенные недалеко от Курман Яра. В Нижнем Курман Яре пришлось срывать вал и переносить ограду, потому что не было места для новых куреней и хат. Казакам несколько раз пришлось отражать нападения черкесов из-за Терека, к городку не раз приближались банды ногаев, осыпая казаков стрелами и пулями. Сходу взять его степняки не смогли, а через пару дней пришла подмога из Раздор и соседних городков и был нанесён ответный удар по ногайской орде на Нижней Волге. Казаки отобрали у кочевников много коней и большую отару овец, а ногаев загнали за Волгу. Во время такого набега героически погиб средний сын Кирьяна – Ефремка, увлекая за собой десяток неверных, тем самым давая казакам отойти на выгодные позиции выше по берегу Волги. Потом две сотни казаков ударили в тыл ногаям, не ожидавшим такого исхода. Им пришлось прыгать в реку с высокого обрыва, оставив табун и отару на берегу. Сотник тогда произнёс слова, ставшие для многих мерилом отцовской любви и верности долгу:

– Нет меры горю родительскому после гибели дитя, но Ефрем казаком был и останется им навсегда, так как соделал подвиг, взяв на себя тяжесть боя, чтобы товарищев спасти. И ворогов более десятка с собой забрал.

Московское царство продолжало «лихорадить», когда в 1606-1607 годах там прокатилось народное восстание под предводительством атамана И.И. Болотникова. Под знамёна восставших встали дворяне, крестьяне, казаки, стрельцы. Осенью 1606 года войско Болотникова осадило Москву, но после перехода дворянской части войска на сторону Шуйского, оно было отброшено от столицы и потерпев ряд поражений, потерпело окончательный разгром в октябре 1607 года, после четырёхмесячной осады Тулы. Некоторые нижнекурманъярские казаки ходили в поход к атаману Болотникову, но вернулись после первых же неудачных боёв. Кирьян и его сотня больше не испытывали судьбу в гражданской войне на Руси, окончательно разочаровавшись в самозванцах, которых тогда всплыло более десятка на ниве недовольства любой властью, голода, нищеты, борьбы боярских кланов между собой, попыток интервентов посадить на московский престол своего «карманного» царя.

Когда после похода выбирали атамана, Кирьян отказался от этой чести, сказав, что хочет семьёй жить, атаманствовать же пусть будет несемейный казак. Так и решили, выбрав Вышату Бродника, проявившего себя во многих делах, как хороший воевода. Но через три года всё равно атаманом стал Кирьян, потому что не было более уважаемого человека в городке. Четыре года атаманствовал Ведьмедь, а когда в Московии собиралось ополчение против польско-литовских захватчиков, Кирьян решил помочь купцу Кузьме Минину и князю Пожарскому выгнать поляков из Москвы. Значительная часть казачества поняла, что присягать самозванцам – самообман, лучше прекратить смуту, посадив на трон природного русского государя. Атаман Ведьмедь тогда вместе с двумя сотнями казаков ходил на осаду Москвы, после чего, вместе с другими атаманами отказался целовать крест на верность новому царю Михаилу Романову в 1613 году, сославшись на власть Круга на Дону. Новый царь более не стал настаивать на целовании креста и за доблесть при освобождении Москвы от интервентов, казаки получили богатое жалование и гостинцы. К сожалению, не обошлось и без семейных потерь.

Кроме сына Ефрема, попавшего под ногайскую стрелу, погиб и брат Натальи – Андрей, так и не женившись. А в 1614 году на круге выбрали атаманом Фому Умного, потерявшему глаз при захвате Кремля в 1612 году.

Были свадьбы, рождение детей, были походы и похороны, жизнь катилась своим чередом. Кирьяну было уже сорок, когда при переписи казаков в 1614 году всех его детей записали, как Сотниковых, с чего и пошла фамилия этого казачьего рода. Самого Кирьяна писарь хотел записать Ведьмедём, но сотник сказал:

– Пиши Кирьян Иванов сын Кузнецов, то верно будет, а прозвище рядом поставь. А моих всех пиши Сотниковы, то ужо привычно стало, так их и кличут.

Кирьян стал много времени посвящать хозяйственным заботам. Разводил коней, овец, коров, свиней. Пахать на Дону не принято было в те времена, да и со стороны России это не поощрялось, так как нужны были прежде всего казаки – воины, в любой момент готовые сесть в седло и выехать куда пошлёт царь-батюшка. Время катилось, как волны Дона, то спокойно и гладко, то шумно и бурно.

Глава VI

«Казаки от казаков ведутся»

Прошло сорок лет. Они были разными, но Нижний Курман Яр постоянно разрастался, превращаясь в большой городок, стоящий на перекрёстке разных дорог. В Московии правили Романовы и отношения царского двора и казаков складывались не всегда по-доброму. Казаки вели собственную политику по Турции, Персии, Крыму и Кавказу. Несмотря на уговоры царских посланников, атаманы имели собственное мнение по Азову, затворявшему устье Дона, регулярно разоряя его окрестности. Царскому правительству приходилось договариваться с казаками, принимая их посольства в Москве на уровне послов европейских и азиатских стран. Царь Михаил старался регулярно отправлять воевод с жалованием и огневым припасом на Дон. Пришлые из Москвы воеводы зазывали атаманов в свои станы, но те не шли, говоря гонцам, что «Круг решает, а не мы».

Историческими вехами тех лет стали несколько событий, о которых необходимо сказать в нашем повествовании. В 1628 году в Константинополь с турецким послом Фомой Кантакузеном из Москвы отправлено было царское посольство, а с ним поехали дворянин Яковлев и дьяк Евдокимов. Фома Кантакузин был опытным турецким агентом. В 1630 году греку удалось добиться резкого охлаждения отношений между Москвой и Войском Донским. Изощренные и хорошо продуманные интриги Кантакузина спровоцировали казаков на убийство царского посла воеводы Ивана Карамышева. Московские послы повезли жалование донским казакам в сумме 2 000 рублей, а также сукна и разные припасы. Прибыв на Дон, послы узнали, что атаман Каторжный с казаками вышел в море, потому что донцы с азовцами живут немирно. Царские посланники стали требовать замирения с азовскими турками, но казаки отвечали: «Помиримся, турецких сёл и городов брать не станем, если от азовцев задору не будет, если на государевы окраины азовцы перестанут ходить, государевы города разорять, отцов наших и матерей, братьев и сестёр, жён и детей в полон брать и продавать не станут. Если же азовцы задерут, то волен Бог да государь, а мы терпеть не станем, будем за отцов своих и матерей, братьев и сестер стоять. И в том Бог и государь волен, что наши казаки с нужды и бедности пошли на море зипунов доставать, не зная государева нынешнего указа и жалованья, а нам послать за ними нельзя, и сыскать их негде – они на одном месте не сидят».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.